

В Москве необходима особая музейно - рекреационная зона

Щедровицкий П.Г. В Москве необходима особая музейно - рекреационная зона [Электронный ресурс]: ИА REX. 24.07.2012. URL: <https://iarex.ru/interviews/27736.html>

В интервью ИА REX Пётр Щедровицкий рассказывает о подробностях проекта «Большая Волхонка».

Культурно-выставочная зона пешеходного масштаба в центре Москвы — миф или реальность? Последует ли многомиллионный мегаполис примеру европейских городов, развивающихся в так называемой «идеологии 3.0» — идеологии удобства для жизни человека? Если да, то столице необходимо особое пространство — музейно-рекреационная сфера, выделенная для познавательного отдыха, считает один из идеологов культурно-просветительского кластера «Большая Волхонка», заместитель директора Института философии РАН по развитию Пётр Щедровицкий.

Возможно, что в год своего столетия ГМИИ им. Пушкина на Волхонке станет официальным центром культурной жизни Москвы: в Стратегии социально-экономического развития столицы нашлось место «музейскому городку», задуманному основателем и первым директором Пушкинского музея Иваном Цветаевым.

Сегодня на территории будущего «городка» — порядка двадцати объектов культурного наследия, споры о судьбе которых длятся не первый год. За это время успело родиться несколько вариантов проекта обустройства улицы, в том числе — принадлежащий Норману Фостеру и вызвавший массу нареканий из-за противоречия охранному законодательству. Новаторы предлагали смелые решения из стекла и

бетона, москвоведы призывали помнить о том, что Волхонка — эпицентр московской культурной жизни, который требует уважения. Передышку и тем, и другим в борьбе за Волхонку дала Общественная палата, постановив собрать рабочую группу для доработки альтернативного проекта — Культурно-просветительского кластера «Большая Волхонка». О нём в интервью ИА REX рассказал Пётр Щедровицкий.

— Пётр Георгиевич, какими вы видите перспективы строительства «музейского городка»? Возможно ли примирить две крайние точки зрения на облик столицы: ретро и хай-тек?

На мой взгляд, начинать всегда нужно с рамки, так как от правильности постановки вопроса зависит содержание ответа. А рамка очень простая: хотим ли мы, чтобы Москва была мировым городом, мировым культурным центром? Если мы хотим этого, то Москве, как любому мировому городу, необходим компактно расположенный культурно-гуманитарно-выставочно-музейный кластер. Нужно пространство — по возможности, компактно размещенное и, желательно, пешеходного масштаба, — оказавшись в котором люди могли бы прикоснуться к культурным памятникам города. Увидеть, посетить, понять, узнать.

— Термин «кластер» звучит непривычно в контексте культурной тематики.

Возможно. И, тем не менее, идея культурного кластера не нова: проекты формирования экспозиционно-выставочно-культурных зон реализуются во всем мире не первый год. Функция каждого конкретного объекта внутри отведенного пространства специально проектируется, выстраивается, памятники объединяется в единый маршрут, в единую экспозицию. Кроме того, сама эта культурная

сфера насыщается дополнительными сервисами, чтобы зрителю было интересней знакомиться с культурными памятниками и архетипами прошлого. Человеку, как правило, неинтересно быть пассивным наблюдателем. Он хочет где-то получить дополнительную информацию, иметь возможность поучаствовать в каком-то культурном событии, вступить в коммуникацию с другими по поводу того, что они видят и узнают в данный момент. Именно поэтому необходимо сопровождение движения человека специалистами: искусствоведами, критиками, социологами, психологами, культурологами. Также нужен современный интерфейс (например, аудиовизуальный) для взаимодействия с этим пространством.

Крупные мировые города идут именно по этому пути — выделения музейно-экспозиционных зон, формирования адекватной культурной среды, соответствующей современным требованиям зрителя. Время диктует свои условия. Задумайтесь: раньше люди ехали издалека посмотреть картину, потому что у них не было возможности увидеть ее иначе. Сегодня же в Интернете или в книге можно найти любое произведение искусства и это будет не только быстрее. Репродукция в современном художественном альбоме может оказаться более красочной, и рассмотреть ее удастся внимательней. Соответственно, многих уже не интересует само по себе знакомство с культурными объектами, как это было до наступления информационной эры. Мы должны ловить направление ветра, чтобы предлагать человеку тот продукт, который не оставит его равнодушным. И если мы хотим, чтобы в Москве было место, вызывающее интерес зрителя, нужно создавать его, исходя из современных требований.

— Звучит неоднозначно. Вы не про вариант Нормана Фостера?

Современные требования — это далеко не всегда модернистский архитектор, который сделал, например, проекты многих зданий в

Астане. Современность не в том, чтобы сотворить здание причудливой формы из стекла и бетона, а в том, чтобы ответить на запрос потребителя, понять, для чего люди, в частности, едут в Москву. Какую культурную услугу они хотят получить?

Когда проектируется новая столица, модернистские решения гармонируют с целью; ломаются стереотипы восприятия политического, государственного управления и символически обозначаются изменения в стиле и модели управления. А когда люди едут в центр Москвы, то они, скорее, хотят увидеть сохраненную и по-новому переданную традицию: архитектурную, художественную, искусствоведческую. Они хотят увидеть, какое продолжение следует из этой традиции. А для этих целей другого такого места, кроме Волхонки, с учетом его положения и его исторически сформированной среды, на мой взгляд, не найти. Идеальное включение в центральный музейный кластер и одновременно контрапункт со Стрелкой, которая находится на противоположном берегу Москвы-реки.

Более того, исторически Волхонка всегда и была таким местом, где концентрировались образование, искусство, культура и традиционная для Москвы застройка, как конфессиональная, так и селитебная — усадьбы относительно богатых горожан, часть из которых находилась на государственной службе.

— Какое решение вы видите?

В связи с вышеперечисленными соображениями, возникают вертикаль и горизонталь проекта культурного кластера. Горизонталь заключается в том, чтобы максимально сохранить традиционный облик этого центрального района: фактически реконструировать, воссоздать его. А вертикаль — в том, чтобы помимо экспозиций появились ещё и слои культурной работы.

— А конкретнее, по маршруту?

Кластер может занять территорию от Музейного городка (от Пушкинского музея) на Волхонке до Красной площади и улицы Никольской. В результате, в единое пространство будут соединены: Музейный городок, Музей архитектуры, дом Пашкова, Российская государственная библиотека, Большой Манеж, комплекс Музеев Кремля, Государственный исторический музей, а также близкие по культурно-исторической и научной тематике объекты: Институт философии, Институт русского языка и литературы, Историко-архивный институт. И, как я уже говорил, необходимо насытить этот маршрут дополнительными культурными сервисами, разнообразящими досуг посетителя.

— К вопросу о различных институтах на территории потенциального кластера: как вы относитесь к идее выселить половину учреждений из этого района, чтобы дать больше «воздуха» культуре?

Мы в своей концепции исходим из того, что многие расположенные на этой территории организации скорее являются неотъемлемыми частями этого проекта, чем лишними звеньями. Пока же, к сожалению, к ним относятся именно как к лишним, которых нужно обязательно переселить, — это распространенное мнение. По моему убеждению, создать «слоеный пирог» культурного кластера можно, только интегрировав разные ресурсы.

На Волхонке на своем месте выглядят музей Рериха, Институт Философии, Институт Русского языка, которые желательно оставить в этом пространстве, чтобы усилить его потенциал и синергию. Также в этом пространстве могут найти своё место такие новые организации, как Фонд «Русский мир», Фонд Русского языка и другие центры культурной политики. А подход «давайте все отсюда вынесем и

оставим только музейную экспозицию» только понизит для потребителя важность и понятность этого района. Он не даст человеку полноты всех культурных услуг, на которые тот рассчитывает как современный, сегодняшней потребитель, а не вчерашний.

При этом я считаю, что пространство позволяет решить как задачу расширения музейных площадей Пушкинского музея (которая несомненно важна), так и интегрировать в эту среду ряд других проектов.

— Когда речь идет о перестройке исторических объектов, у москвичей возникает болезненная ассоциация с таким «видом» реставрации как «снос-реконструкция». Так что же это будет? Воссоздание? Реконструкция?

Основная цель — сохранить как можно больше исторических объектов. Какое строительное решение здесь понадобится, должна решать некая интегрированная группа специалистов, которая продумает ситуацию с каждым конкретным объектом. В том числе, может быть, и с теми, которые были на этой территории когда-то, а сейчас исчезли. Возможно, есть смысл что-то восстановить — и современные архитектурно-строительные технологии это позволяют. В мире масса примеров, когда решается вопрос синтеза современной и старой архитектуры, и, если нужно, восстанавливаются в старой архитектуре утраченные объекты для создания плотности среды и пространства. Этим должны заниматься люди, которые за это отвечают.

— Проект уже слушался в Общественной палате. Какие есть результаты?

Есть соответствующий протокол, есть намерение заниматься вопросом. Но прежде чем считать затраты и спорить о видах реставрации, нужно принять политическое решение. Дело именно за этим.

— Мы с вами уже коснулись проекта Нормана Фостера. Каково Ваше отношение к решению в стиле хай-тек?

Я полагаю, что изначально была сделана ошибка, поскольку не было концепции. А соответственно, было непонятно, к кому обращаться. Обратившись к Фостеру, получили его персональное решение: его стиль, его подход. Надо всегда помнить, как устроен человек: если ему повезет, он делает какую-то одну творческую вещь, а затем всю жизнь, по сути, ее тиражирует. Если принимать во внимание это обстоятельство, становится очевидным, что вся ответственность лежит на заказчике: именно от него зависит 90 процентов результата. Заказчик должен понимать, кому и что он заказывает. Архитектор же исходит из того, что заказчик подумал и обратился к нему, потому что хочет получить его решение. Он же не может себе представить, что заказчик обратился, не подумав.

— Как в таком случае относиться к позиции директора ГМИИ им. Пушкина Ирины Антоновой, поддерживающей видение Фостера?

Создание музейной зоны — это открытый процесс, в который должны быть включены как профессионалы, так и общественность. Я считаю, что инициирован он, в большей степени, активностью Пушкинского музея. Если бы не было этой активности, люди бы, возможно, и не подумали, что необходимо заняться этим вопросом. А когда появилась инициатива Ирины Антоновой, люди начали думать, соотносится ли это с их ценностями. Возникла естественная реакция группы профессионалов, которая наложилась на разработку стратегии

развития Москвы мэром Сергеем Собяниным. И было бы разумно, если бы в этой стратегии нашел место проект создания Культурно-просветительского кластера «Большая Волхонка».

Материал на сайте:

<https://shchedrovitskiy.com/v-moskve-neobhodima-muzejno-rekreacionnaya-zona>